

«Вышнего града взыскуя»

Народные утопические легенды
в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина

© И. Б. ПАВЛОВА,
доктор филологических наук

М.Е. Салтыков-Щедрин проявлял интерес к фольклору и народным утопическим представлениям, духовным упованиям масс, что нашло отражение в его творчестве, прежде всего в трактовке образа России как сокровенного града. Его произведения всегда исполнены веры в будущее родины, в ее преобразование.

Ключевые слова: Россия, народная утопия, сокровенный град, фольклор, сказ, стилизация, постоянные эпитеты.

The article is devoted to the interest of Saltykov-Shchedrin to folklore and democratic utopic views, to the spirit hopes of the common people, that have an effect on his works, especially on the interpretation of the image of Russia as the secret ideal town. His works are full of the faith in the future of his motherland, in its transfiguration.

Key words: Russia, democratic utopia, secret ideal town, folklore, the tale, styling, constant epithets.

Ощущение самобытности России рано пробудилось у М.Е. Салтыкова-Щедрина. Под влиянием социального опыта, идейно-эстетических исканий оно стало незыблемым убеждением художника. Отчизна предстает под пером сатирика не только мрачной и трагичной: его произведения свидетельствуют о сложной трактовке национальной судьбы,

о ведении Салтыковым-Щедриным «таинственных струй народной русской жизни», творческого духа многомиллионного крестьянства. Е.И. Покусаев с полным основанием утверждал, что все произведения писателя в большей или меньшей степени связаны с фольклором. Салтыков-Щедрин цитирует духовные стихи и лирические песни, стилизует былинный эпос, широко обращается к сказочным мотивам и образам, обильно включает в свое повествование пословицы и поговорки, создает сатирические картины, которые так и напрашиваются на сближение с народной фантастикой. «Для него устная поэзия — это прежде всего деятельность самих масс, это показатель творческих сил народа, его великих духовных возможностей» [1]. Известный фольклорист Ю.М. Соколов писал, что среди элементов, образующих стиль щедринской прозы, значительное место занимает фольклор. К нему писатель обращался на протяжении нескольких десятилетий — от «Губернских очерков» до «Пошехонской старины». «Характер и методы использования Щедриным фольклорного материала крайне своеобразны и сложны» [2. С. 493], — подчеркивал он.

К потаенным явлениям народной жизни, творчески осмысленным писателем, относятся социально-этические упования масс, облеченные зачастую в поэтическую форму, которые отнюдь не всегда совпадают с религиозно-догматическим учением, вплоть до превращения в откровенные ереси. В монографии «Народная социальная утопия в России. Период феодализма» А.И. Клибанов отмечал, что в сознании простых людей рано возникла идея «земного царства» с гармоничным строем общественных отношений, совершенными нормами морали и изобилием «благ земных». Хилястические учения зачастую процветали в сектантской среде, например у бегунов, пытавшихся устроить жизнь на принципах «еретического коммунизма». Автор обратился к представленному в древнерусской письменности типу утопической системы, условно названному им «земной рай», «сокровенный град», который ищут, преодолевая испытания. В XVII—XVIII веках идеологи религиозной оппозиции снабжали людей, «взыскующих града», так называемыми «путешественниками», то есть указателями дорог, уводящих в леса, пустыни, горы, с обозначением промежуточных станций и перечнем лиц, к которым следовало обращаться за помощью. Это были маршруты побегов в вольные земли. На такой основе выросли Китежская и Беловодская легенды. Первая дополняла вторую, по выражению А.И. Клибанова, как «исход» дополнен был «обетованной землей» [3].

К.В. Чистов в книге «Русские народные социально-утопические легенды» упомянул, что в литературе по старообрядчеству уделено большое внимание роли бегунов в создании легенды о граде Китеже и привел пародийные бегунские паспорта: «Отпустил меня раба Божьего великий господин града Вышнего, Святого уезда, Пустынного стана, села

Будова, деревни Неткина, чтоб не задержали бесы раба Божьего нигде», «Паспорт у нас из града вышнего Ерусалима. Убежали мы на волю от худого господина» [4. С. 244–245]. «Одному из основных своих тезисов, — писал исследователь, — “града настоящего не имама, а грядущего взыскуем” они придавали вполне реальное, практическое выражение» [Там же. С. 249]. Прокомментируем, что источник этого тезиса — послание апостола Павла «К евреям» [Гл. 13. Ст. 14]. Та же мысль выражена и во «Втором соборном послании» апостола Петра: «Впрочем мы, по обетованию Его, ожидаем нового неба и новой земли, на которых обитает правда» [Гл. 3. Ст. 13].

Важнейшими источниками для изучения истории легенды о Беловодье, писал К.В. Чистов, являются «путешественники», тайные листки, писанные крестьянской рукой и распространявшиеся, вероятно, довольно широко. Беловодье мыслилось крестьянской страной, отделенной от Руси морем или расположенной на островах. «Легенда о Беловодье имела общерусский характер и распространение и в то же время была особенно популярна среди старообрядцев-беспоповцев, причем сыграла определенную роль в развитии “бегунства” — крайнего, радикального его ответвления» [4. С. 28].

Смысл легенды о «далекой земле», отметил автор, заключается в утверждении, что эта земля существует в настоящем, надо только ее найти — и идеал будет обретен. Так выражались социальный протест и чаяния крестьянских масс. «Энергия отчаяния и энергия надежды, замыкаясь, порождали вспышку поэзии. Именно в этом смысле и следует говорить о том, что “легенды о далеких землях” были не просто порождением, но и поэтической и тем самым идеологической санкцией этого движения, не только отражали его, но и влияли на него» [Там же. С. 317].

Образы «далекой земли», «сокровенного града» зародились еще в фольклорно-мифологическом сознании. Так реализовался древнейший архетип «инога царства», на поиски которого отправляются неудовлетворенные и обездоленные в фольклоре, литературе, в самой действительности.

Юные годы Салтыкова прошли в имени его родителей селе Спас-Угол. И хотя он был отгорожен от народной жизни, как повествуется в хронике «Пошехонская старина», но, конечно, отзвуки крестьянской поэзии, мифологии долетали до него, какие-то картины и представления, верования запоминались, впитывались сознанием. Для будущего писателя открывалась богатейшая область духовного бытия народа. Попав на службу в Вятку, Салтыков познакомился с жизнью простых слоев общества, патриархального купечества. Он читал много старообрядческих рукописных книг, «цветников», «трилистников» и других сборников, списал имевший большую популярность в этом краю, богатом

скитами и пустынями, «Стих об Асафе в пустыню входяща», «Стих об антихристе». По мнению Ю.М. Соколова, вариант первого стиха, принадлежащий Салтыкову, относится к распространенной редакции, по своей структуре довольно полный и наиболее близко подходит к тексту, записанному С.П. Шевыревым в Вяземах Московской губернии и впоследствии напечатанному П.А. Бессоновым в первом томе «Калик переходящих» под номером 55 [2. С. 503]. Эти познания, полученные Салтыковым, нашли отражение в неопубликованной статье-рецензии на «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле постриженника Святыя горы Афонския инока Парфения», статье «Стихотворения Кольцова», цикле «Губернские очерки» и во многих других произведениях. В хронике «Пошехонская старина» в главе «Сатир-скиталец» рассказывается об одном из согласий беспоповцев. «В то время ходили слухи о секте “бегунов”, которая переходила из деревни в деревню, *взыскав вышнего града* и скрываясь от преследования властей в овинах и подпольях крестьянских домов. Помещики называли эту секту “пакостною”, потому что одним из ее догматов было непризнание господской власти» [5. Т. XVII. С. 308].

Насколько горячо стремился писатель проникнуть в мирозерцание трудящихся масс, осмыслить их стремления, свидетельствует раздел «Богомольцы, странники и проезжие» цикла «Губернские очерки». В образующих его главах Русь предстает то путем к земному и горнему Иерусалиму, то «вышним градом», Святой землей. Нередко в своих мечтах простецы представляют, что Правда сокрыта где-то в недрах Руси. И там, где звучит тема «сокровенного града», повествование лексически, синтаксически, интонационно ориентировано на народную речь.

В разделе «Богомольцы, странники и проезжие» автор описывает свои впечатления от пения нищих слепцов, исполняющих духовные стихи. В стихе о царевиче Асафе «мать пустыня», «прекрасная пустыня» противопоставит суетному миру. Про нее знает Сам Господь, ее хвалят архангелы, прославляют преподобные, в ней пребывает Иоанн Предтеча. Но красота пустыни особая, духовная. Жизнь там постоянный искус. В пустыне приходится претерпевать многие нужды, испытания, трудиться и поститься. Пища в ней «гнилая колода», питье «болотная вода», вокруг темные леса и лютые звери, там «грустно и тошно» привыкшему к миру человеку. Сладостность пребывания в пустыне – в аскезе. Хотя в этом любимом народном стихе рассказывается о чужеземном царевиче Асафе, но действие разворачивается среди дремучих лесов, болот, и пустыня воспринимается как чудное, сокровенное место на Руси. Стих этот возбуждал в слушателях чувство, что «мать пустыня» здесь на родной земле, и кто найдет ее, обрящет и небесный Иерусалим. В «Богомольцах, странниках и проезжих» повествователь в эмоциональной форме обращается к читателю с выражением чувства горячей любви

к «нашему прекрасному народу», слушает «плачевный, захватывающий за душу» стих, исполняемый убогими о «пресветлом потерянном рае, о пустынном “нужном” житии ...» [Т. II. С. 112]. В эту сцену вводится отрывок из «Стиха об Асафе»:

У меня во пустыни много нужи прияти,
У меня во пустыни постом попоститися,
У меня во пустыни скорбя поскорбети,
У меня во пустыни терпя потерпети...
Не страши мя, пустыня, превеликими страхами... [Там же].

Раздается благовест соборного колокола, и вся толпа, которая пришла почтить угодника Божия, как один человек встает. В такие мгновения открывается надмирная реальность — «Святая Русь».

В главе «Пахомовна» в манере, стилизованной под народный сказ, автор изображает старицу, стремящуюся к святым преславным местам, к угодникам Божиим. Русь является Пахомовне многоликой: «свет-дубравушкой веселой» с «муравушкой зеленой» и стонущей «матерью-сырой землей», над которой собираются тучи грозные, полыхают зарницы. Странице открывается в лесу место, где в высоких хорах идет служба непрестанная, величается Пресвятая Троица, где поют «гласами архангельскими песни херувимские». На своей родной земле находит Пахомовна райские обитатели. Но рядом существует и мир сатанинский. Искуситель заводит ее в проклятое место. «Вокруг лежат болота смрадные, поднимаются кверху от них туманы зловонные, застилаючи солнце праведное, насылаючи безо времени ночь ужасную (...).

Расступилася вдруг под нею мать-сыра земля, и разверзлася вся преисподняя огненная» [Там же. С. 137]. Но горячая молитва старицы побеждает этот антимир: перед ней вдруг возникает святая тихая обитель, возвеличенная мужами праведными, златые главы на храмах светятся, в них идет служба вечная, неустанная. Светлое начало торжествует.

Жизнь крестьянской Руси преисполнена «болью сердечной» и «нуждою сосущею», но в народе неистребимо желание отыскать вышний град, обетованную землю. Путь убогой Аринушки проходит по бескрайним русским просторам. «Видит она: впереди у ней Иерусалим-град стоит; стоит град за морями синиими, за туманами великими, за лесами дремучими, за горами высокими (...).

Промеж всех церквей один храм стоит, в тьмим храме злат-кован престол стоит, престол стоит всему миру красота, престол христианским душам радование (...). Столбы у престола высокие кованые, изумрудами, яхонтами изукрашенные... на престоле Сам Спас Христос Истинный сидит» [Там же. С. 356–357].

Как отмечал С.А. Макашин, «Аринушка» — первое по времени написания и напечатания произведение, в котором Салтыков-Щедрин

обратился к фольклорным мотивам и форме для изображения духовной жизни крестьянства [Там же. С. 543]. Писатель использует распространенные в народном творчестве повторы, инверсии, постоянные эпитеты, удвоения гласных, создающие особый напевный ритм.

Много страданий выпадает на долю Аринушки, но, чтобы достичь града Иерусалима, надо потрудиться Кресту, только тогда ангелы чистые вознесут на лоно Авраамово. Убогая странница выступает носительницей «неудержимого стремления к душевному подвигу», живущему в народных массах. Перед смертью она спрашивает, далеке ли отсель до Ерусалим-града, и получает ответ: «О таком и не слыхивали». «А Ерусалим-град Христов, — говорит, — мне сегодня повечеру беспрерывно попеть туда надоть» [Там же. С. 361]. Как бы ни был далек Святой град, но духовно он рядом и обретается по вере.

Связь с народными чаяниями «сокровенного града» прослеживается и у современника Салтыкова-Щедрина, социалиста-утописта Чернышевского в романе «Что делать?». В сцене, изображающей общество будущего из четвертого сна Веры Павловны, автор переносит героиню в Обетованную землю, которая называется «Новая Россия». Это «особая сторона» на юге, в центре бывшей пустыни, обращенной в плодороднейшее место, такое же, «какою была когда-то и опять стала теперь та полоса по морю на север от нее, про которую говорилось в старину, что она кипит “медом и молоком”» [6. Т. XI. С. 280], — объясняет Вере Павловне сопровождающая ее «богиня». «...С каждым годом люди, вы русские, все дальше отодвигаете границу пустыни на юг» [Там же], — продолжает она.

Возвышенная точка, с которой происходит обозрение, видимо, гора Синай на юге Синайского полуострова, где Моисей получил от Бога скрижали откровения. «На далеком северо-востоке две реки, которые сливаются вместе прямо на востоке от того места, с которого смотрит Вера Павловна, дальше к югу, все в том же юго-восточном направлении, длинный и широкий залив, на юге далеко идет земля, расширяясь все больше к югу между этим заливом и длинным узким заливом, составляющим ее западную границу. Между западным узким заливом и морем, которое очень далеко на северо-западе, узкий перешеек» [Там же]. Пространство, так конкретно географически описанное, — Ханаан, данный Господом еврейскому народу, бежавшему из египетского плена [Исход. Гл. 3. Ст. 8], и Междуречье, где, согласно преданию, находился библейский Эдем.

В утопии Чернышевского сливаются Святая земля, райские куши, родина автора и становятся «Новой Россией». «Богиня» показывает Вере Павловне прекрасный дворец из чугуна, хрусталя и алюминия, стоящий среди родных нив, лугов, садов и рощ, которые, в отличие от действительных, изобильны, роскошны. Героиня слышит русскую песню,

видит Оку и с удивлением спрашивает «сестру всех сестер», «невесту всех женихов», все ли будут жить так. «Все, — говорит она, — для всех вечная весна и лето, вечная радость» [Т. XI. С. 279].

«Новая Россия» в четвертом сне Веры Павловны — это земной рай, и через нее пролегает путь в Обетованную землю. Однако Чернышевского более увлекает социально-утопическая идея, нежели фольклорная поэтика.

В «Губернских очерках» взгляд Салтыкова-Щедрина на Русь бодр и оптимистичен. В очерке «Скрежет зубовой» (1860), в сказочной картине «Сон», стилизованной под фольклорное произведение, Иванушка, пробудившийся после тяжелого сна и умывший глаза живой водой, олицетворяет крестьянство, узы которого разрешились. Герой отправляется на свет посмотреть, обходит стороной ветхих старцев, спешащих в преисподнюю (то есть ретроградов-крепостников). Получившему свободу Иванушке родная земля представляется раем, где все наполняет его радостью. «Пошел Иванушка по той неторенной дороге, где младая жизнь кишит, где цветут цветочки алые, где бегут ручьи молочные... Любо Иванушке! Глаза у него разгорелися, кудри русые по широким плечам разметались, ходенем пошла грудь могучая, встрепенулось в ней сердце богатырское, пьет не напьется он воздуха вольного...» [Т. III. С. 380]. Название этой картины, ее сказочная форма, стилистика свидетельствуют, что автор выразил в ней свои заветные надежды.

С каждым годом творчество Салтыкова-Щедрина все более окрашивалось скептицизмом. Один из градоначальников гротескного Глупова в его вершинном произведении шестидесятых годов «История одного города» — пародийный антихрист Угрюм-Бурчеев. В финале знаменитой сатиры ощущаются переключки с Апокалипсисом и, возможно, с апокрифами эсхатологического звучания. Однако образ «вышнего града» неизменно освещает творчество художника, безусловно стремящегося к социальной справедливости и гармонии. Он органически входит в картину русского мира, созданную им. Осмысляя призвание своей отчизны, Салтыков-Щедрин двигался в русле национальных духовных, культурных традиций. В народной философии остро поставлены проблемы непримиримой борьбы добра и зла, отношения к родине, справедливого устройства жизни. В его творчестве нашли отклик чаяния масс. В идеале Россия для Салтыкова-Щедрина «сокровенный град», но «порядок вещей» скрывает, искажает ее истинную сущность. Скептицизм писателя сосуществовал с любовью к родине «до боли сердечной» и со страстной верой в будущее. Опорой искреннему демократу и просветителю служило убеждение в силе разума, в том, что духовные упования народа, его творческие возможности неистребимы. Салтыков-Щедрин был художником и гражданином, который воистину живет национальными социально-этическими идеалами и не способен

склониться перед злом. Пафос творчества этого печальника о русской земле – в служении ей. Он твердо верил: для преобразования России «надо взять в руки посох, препоясать чресла» и «идти вперед, *вышнего града взыскупя*» [Т. XIII. С. 285].

Литература

1. *Покусаев Е. И.* Щедрин и устное народное творчество // Ученые записки Саратовского гос. ун-та. Вып. Филологический. Саратов, 1948. Т. XX. С. 135.
2. *Соколов Ю. М.* Из фольклорных материалов Щедрина // Литературное наследство. Щедрин П. М., 1934. Т. 13–14.
3. *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 220.
4. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.
5. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. В 20 т. М., 1965–1977.
6. *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч. В 15 т. М., 1939–1950, 1953.

*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН*

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция журнала «Русская речь» принимает статьи в размере не более 10 страниц с аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках (размер шрифта 14, через полтора компьютерных интервала).

Плата за публикацию с авторов не взимается.
